

Правовая мысль: история и современность

Научная статья

УДК: 340

DOI:10.17323/2072-8166.2023.2.4.24

Статус человеческого эмбриона *in vitro* как этико-правовая проблема: религиозные истоки разногласий в подходах

Валентина Викторовна Лапаева

Институт государства и права Российской академии наук, Россия 119019, Москва, ул. Знаменка, 10, lapaeva07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7170-8610>

Аннотация

Предметом исследования статьи является вопрос об онтологическом статусе человеческого эмбриона *in vitro*, от решения которого зависит определение его морального и правового статуса, имеющее исключительно важное значение для этико-правового регулирования манипуляций с эмбрионами в процессе исследований и в клиническом применении вспомогательных репродуктивных технологий. Различные подходы к решению проблемы статуса эмбриона, исторически сложившиеся в разных странах и регионах мира, автор рассматривает в плоскости религиозной антропологии. Обосновывается тезис о том, что сформировавшаяся в рамках христианской культуры идея богоподобия человека, давшая мощный импульс научно-технологическому прогрессу, изначально содержала в себе глубинные мировоззренческие предпосылки, способные заблокировать возможность наиболее опасных вторжений в природу человека. Одна из таких предпосылок заключается в положении о том, что человеческий эмбрион с момента своего зачатия является одухотворенной личностью. Эта содержащаяся в глубинах христианского мировоззрения интенция к признанию человеческого зародыша личностью актуализировалась в последние десятилетия XX в. под влиянием легализации абортот и возможности развития эмбриона в лабораторных условиях, его криоконсервации, манипулирования с его генами вплоть до перспективы генетического совершенствования будущего ребенка. В результате сложилась ситуация, когда страны, культурная матрица которых не содержит подобных морально-религиозных ограничителей, в условиях прогресса научно-технологической сфе-

ры получают преимущества в глобальной конкуренции, которая в определенном смысле имеет цивилизационный характер. Это обстоятельство стало одним из факторов, способствующих наметившимся изменениям в международном этическом правовом регулировании, определяющем границы генетических исследований эмбрионального развития человека. Главный вектор изменений задан ослаблением прежних ограничений, истоки которых восходят к догматам христианского миропонимания. Последние новации в этой сфере демонстрируют стремление медико-биологического сообщества разделить ответственность за выработку регуляторной политики в области исследований человеческого эмбриона с деятелями других отраслей науки и с широкой общественностью.

Ключевые слова

человеческий эмбрион *in vitro*; онтологический статус; этико-правовое регулирование; генетические исследования; христианская догматика; идея богоподобия человека; технологический прогресс.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда по теме «Социогуманитарные контуры геномной медицины» (проект № 19-18-00422).

Для цитирования: Лапаева В.В. Статус человеческого эмбриона *in vitro* как этико-правовая проблема: религиозные истоки разногласий в подходах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 2. С. 4–24. DOI:10.17323/2072-8166.2023.2.4.24.

Legal Thought: History and Modernity

Research article

Status of Human Embryo *in vitro* as Ethical and Legal Issue: Religious Origins of Disagreements in Approaches

Valentina V. Lapaeva

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka Str., Moscow 119019, Russia, lapaeva07@mail.ru, <https://orcid.org//0000-0001-7170-8610>

Abstract

The subject of this article is the question of ontological status of the human embryo *in vitro*, on whose decision the determination of its moral and legal status depends, which is of exceptional importance for the ethical and legal regulation of manipulations with embryos in the process of scholar research and in clinical practice of the reproductive technologies. Various approaches to solve the problem of the embryo status historically developed in different countries and regions of the world the author considers from the standpoint of Christian anthropology. The thesis is substantiated that the idea of human

likeness to God, formed in Christian culture, which gave a powerful impetus to scientific and technological progress, initially contained deep ideological prerequisites that could block the possibility of the most dangerous intrusions into the human nature, created in the image of God. One of these premises is the idea that the human embryo from the moment of its conception is a spiritualized person. This intention contained in the depths of the Christian worldview, to recognize the human embryo as a person was actualized in the last decades of the 20th century under influence of the legalization of abortion and the possibility of development of the embryo in the laboratory, its cryopreservation, manipulation of its genes to the prospect of genetic improvement of the future child. As a result, countries whose cultural matrix does not contain such moral and religious constraints, in the context of the development of the scholar and technological sphere, receive advantages in global competition that in a certain sense also has a civilizational character. This circumstance has become one of the factors contributing to the emerging changes in international ethical and legal regulation, defining the boundaries of genetic research on human embryonic development. The main vector of changes is set by the weakening of the previous restrictions, the origins of which go back to the dogmas of Christianity. Moreover, the latest innovations in this area demonstrate the desire of the biomedical community to share responsibility for the development of regulatory policy in the field of human embryo research with researchers of other branches of science and with the public.

Keywords

human embryo *in vitro*; ontological status; ethical and legal regulation; genetic studies; Christian dogma; the idea of human likeness to God; technological progress.

Acknowledgements: study was supported by a grant of the Russian Science Foundation, theme Socialhumanitarian outlines of genome medicine, project no. 19-18-00422.

For citation: Lapaeva V.V. (2023) Status of Human Embryo *in vitro* as Ethical and Legal Issue: Religious Origins of Disagreements in Approaches. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol.16, no. 2, pp. 4–24 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2023.2.4.24.

Введение

Вопрос о статусе человеческого эмбриона *in vitro* (зародыша человека, зачатого и развивающегося вне организма матери), который содержит в себе квинтэссенцию этико-правовых проблем геномики человека, вошел в повестку общественных и научных дискуссий в последнюю четверть прошлого века, когда появилась возможность зарождения и развития эмбриона в лабораторных условиях. Данный вопрос может быть рассмотрен в разных плоскостях — онтологической, моральной и правовой, при этом в зависимости от определения онтологического статуса эмбриона формируются подходы к пониманию его морального и правового статусов. Автор статьи исходит из того, что человеческий эмбрион, в том числе эмбрион *in vitro* — биологический объект, имеющий особый

онтологический статус, специфика которого обусловлена тем, что при определенных условиях он может развиваться в человека.

Прогресс в сфере изучения генетики человека, обеспечивший условия для жизнеспособности эмбрионов человека *in vitro*, открыл перспективы развития такой формы вспомогательных репродуктивных технологий, как экстракорпоральное оплодотворение (далее — ЭКО), широкое применение которой началось после рождения в Великобритании в 1978 г. первого «ребенка из пробирки». Это событие сразу оказалось в центре острейших дискуссий религиозного, морального и правового характера. Впоследствии зачатие и раннее развитие эмбрионов вне материнского организма стали нередко осуществлять в связке с процедурой преимплантационной генетической диагностики (далее — ПГД), проводимой для профилактики наследственных заболеваний. Проведение такой диагностики добавило к процедуре ЭКО новые проблемы, актуализировавшие морально-религиозные дискуссии, поскольку соответствующая технология предполагает селекцию человеческих эмбрионов с последующей отбраковкой зародышей с хромосомными мутациями.

После десятилетий споров процедуры ЭКО и ПГД были легитимированы и легализованы (с разной степенью ограничений) во многих странах мира. Тем не менее существенные расхождения в понимании онтологического статуса человеческого эмбриона и эτικο-правовых пределов применения данных технологий сохраняются. Анализ показывает, что исторически сформировавшееся многообразие подходов к решению проблемы статуса эмбриона, в том числе эмбриона *in vitro* в разных странах и регионах мира в своей основе носит социокультурный характер, а истоки наблюдающихся различий уходят в глубины религиозной антропологии. Во всяком случае, невозможно отрицать, что в технологически развитых странах, развивающихся в русле христианской социокультурной традиции, имеет место более осторожное отношение к эмбриону как к человеческому существу, являющемуся потенциальным носителем духовных качеств личности, и соответственно ограничительный подход к манипуляциям с эмбрионом *in vitro*.

При этом наиболее жесткой позиции в вопросе об онтологическом (и, соответственно, моральном) статусе эмбриона придерживаются католичество и православие. Согласно документации римско-католической церкви, «достоинство личности должно признаваться в каждом человеческом существе от зачатия до естественной смерти»¹, при этом

¹ Instruction Dignitas Personae on certain bioethical issues. Introduction, p.1. Available at: URL: http://www.vatican.va/roman_curia...20081208_dignitas-персонажи (дата обращения: 30.12.2019)

зачатием считается момент оплодотворения яйцеклетки². В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви зарождение человеческого существа признается даром Божиим и утверждается, что с момента зачатия всякое посягательство на жизнь будущей человеческой личности преступно³. Также отмечается нравственная недопустимость всех разновидностей внетелесного оплодотворения, предполагающих заготовление, консервацию и намеренное разрушение «избыточных» эмбрионов, поскольку «именно на признании человеческого достоинства даже за эмбрионом основана моральная оценка аборта, осуждаемого Церковью»⁴. Что касается протестантских религиозных сообществ, то спектр их подходов гораздо шире, он «включает утверждения, что человеческая жизнь начинается не с зачатия, а с имплантации, либо спустя 14 дней после зачатия, когда становится невозможным расщепление эмбриона и появление близнецов, либо после первого триместра беременности, либо тогда, когда плод может выжить самостоятельно спустя примерно 6 месяцев беременности».

Правда, заложенная в христианское мировоззрение интенция к признанию зародыша человека одухотворенной личностью актуализировалась и реализовалась лишь в последние десятилетия XX в, когда многие страны Запада легализовали искусственное прерывание беременности на ранних сроках по желанию женщины. Римско-католическая церковь до середины XIX в. не считала убийством аборт на ранних стадиях развития плода, хотя и признавала его тяжким грехом, требующим покаяния. Позиция Русской Православной Церкви по этим вопросам, поддерживаемая государством, изначально была более жесткой: в XV–XVIII веках за вытравление плода священник налагал на женщину епитимью сроком от 5 до 15 лет, а во второй половине XVII века царским указом за искусственное прерывание беременности как мера наказания была установлена смертная казнь, позже замененная другими видами наказания указом Петра I. В России аборт считался преступлением вплоть до установления советской власти, которая в 1920 г. впервые в мире дала женщинам возможность сделать бесплатную операцию по искусственному прерыванию беременности в медицинском учреждении. Позднее законодательная политика в этом вопросе неоднократно изменялась⁵.

² Instruction Donum vitae. 22.02.1987. P. 1.1. Available at: URL: http://www.ccconline.ru/donum_vitae.pdf (дата обращения: 30.12.2019)

³ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви (XII.2). Available at: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 30.12.2019)

⁴ Там же. XII.2.

⁵ Available at: URL: <http://www.ria.ru/Новости/История запретов и разрешений абортов в России> (дата обращения: 23.01.2023)

Таким образом, хотя дискуссии о статусе эмбриона «так или иначе апеллируют к христианской традиции, сама проблематика дискуссий задается... именно современными вызовами» [Кириянов Д., 2020: 173]. Однако обострение проблемы онтологического статуса человеческого эмбриона в связи с легализацией абортoв, а затем из-за открывшейся возможности раннего развития эмбриона в чашке Петри, его криоконсервации, выращивания ребенка в искусственной матке, выделения из эмбриона отдельных клеток и манипулирования с его генами вплоть до перспективы генетического совершенствования будущего ребенка и т.д. высветила наличие в мировом сообществе глубинных религиозно-мировоззренческих расхождений.

1. Различия в трактовке статуса эмбриона в разных странах и регионах мира

В докладе «Защита эмбриона человека *in vitro*», подготовленном в 2003 г. Руководящим комитетом по биоэтике Совета Европы, отмечаются четыре основных подхода к вопросу о статусе эмбриона, значимые для правового регулирования: эмбрион обладает такой же ценностью, как и человек и имеет равное с ним право на жизнь⁶; эмбрион не имеет значимой моральной ценности и нет необходимости обеспечивать ему специальную правовую защиту; статус эмбриона меняется постепенно и поэтапно по мере его развития, доходя до максимума по достижении жизнеспособности плода вне организма матери; статус эмбриона меняется постепенно и поэтапно, но полный объем прав приобретается лишь с рождением ребенка⁷. От того, как то или иное государство решает вопрос о статусе эмбриона *in vivo*, во многом зависит трактовка статуса эмбриона *in vitro* и соответственно правовой режим манипуляций с такими эмбрионами. При этом обсуждаются три варианта трактовки статуса эмбрион *in vitro*: это субъект права, объект права или особое правовое явление — *sui generis*⁸.

На практике сложилось несколько режимов правового регулирования отношений в этой сфере. Общая характеристика ситуации в странах Совета Европы дана в Постановлении Европейского суда по правам

⁶ Сторонники этой позиции считают, что прерывание беременности, а также любая форма исследования эмбриона, связанная с его разрушением, недопустимы, за исключением ситуаций, когда продолжение беременности очевидно угрожает жизни матери.

⁷ Страсбург, 2003. С. 5–6.

⁸ Ethical considerations of the new reproductive technologies. By the Ethics Committee (1986-87) of The American Fertility Society. Available at: URL: http://www.academia.edu/...Ethical_considerations...reproductive (дата обращения: 30.12.2019)

человека (далее — ЕСПЧ) по делу «Parrillo v. Italy», в котором предметом спора стал вопрос о возможности передачи женщиной своего эмбриона *in vitro* для научных исследований. Суд не стал решать вопрос по существу, сославшись на отсутствие европейского консенсуса. При этом он отметил разброс позиций стран-участников Конвенции, обусловленный, по-видимому, уровнем технологического развития и спецификой исторического опыта той или иной страны. Однако при выходе за рамки христианской Европы очевидны религиозные предпосылки различий в подходе к рассматриваемой проблеме: самое мягкое законодательное регулирование манипуляций с эмбрионами *in vitro* имеет место в тех технологически развитых странах, где доминируют буддизм, ислам и иудаизм, а самое жесткое регулирование — в европейских государствах с устойчивыми христианскими традициями, а также в ряде государств, подписавших Американскую конвенцию о правах человека.

Так, в Швейцарии, Конституция которой начинается словами «Во имя Всемогущего Бога!», пределы манипуляций с эмбрионом человека ограничены на конституционном уровне в ст. 119, посвященной репродуктивной медицине и геномной инженерии человека⁹. Лишь в 2016 г. (т.е. позже других стран-членов Совета Европы) после долгих политических дебатов Швейцария разрешила, да и то по итогам референдума, проведение основанной на ЭКО пренатальной генетической диагностики, но только когда риск серьезного наследственного заболевания у будущего ребенка очень высок. До референдума выращивание эмбрионов *in vitro* (не более трех экземпляров) было разрешено в стране исключительно с целью их немедленной дальнейшей имплантации в тело женщины. После референдума медики получили право работать с 12 эмбрионами, что позволит выбирать для имплантации эмбрионы, заведомо не несущие в себе патологий¹⁰.

Закон ФРГ «О защите человеческого эмбриона» (1990) запрещает перенос генетически чужеродных эмбрионов и исследования на человеческих эмбрионах, существенно ограничивает их криоконсервацию, а также исключает жестокое обращение с эмбрионами человека, отбор по полу, искусственную модификацию половых клеток зародышей человека [Альбицкий В.Ю., 2011: 13]. В 2010 году в ФРГ судили врача, проводившего процедуру ПГД (суд врача оправдал), а в 2012 г. были приняты правила применения преимплантационной генетической диагностики¹¹.

⁹ Конституция Швейцарии (Швейцарской Конфедерации). Available at: URL: <http://www.legalns.com/download/books/cons/switzerland.pdf> (дата обращения: 09.11. 2020)

¹⁰ Available at: URL: <http://www.probirka.org/eko/ob-eko...vrt-probivaet...shveytsarii> (дата обращения: 12.12. 2022)

¹¹ Available at: URL: <http://www.probirka.org/zhenskoe-besplodie...pgd-v-germanii> (дата обращения: 24.02.2021)

В Италии Конституционный суд был вынужден сглаживать жесткость законодательства: он признал неконституционными положения ст. 14 Закона № 40/2004, которые ограничивали количество создаваемых эмбрионов тремя экземплярами, предусматривали обязательство их одновременной имплантации и запрещали криоконсервацию избыточно полученных эмбрионов¹².

Запретительной политики в этой области в целом придерживаются и государства, присоединившиеся к Американской конвенции о правах человека (1969), в п. 1 ст. 4 которой говорится, что право человека на жизнь защищается законом с момента зачатия¹³. Показательно, что США, Канада и ряд других государств Конвенцию не подписали, а Мексика ратифицировала ее с оговоркой, позволяющей не признавать указанное право эмбриона. При этом государства, где влияние католической церкви особенно сильно, демонстрируют ригоризм в решении эτικο-правовых проблем, связанных со статусом эмбриона. Например, в Коста-Рике, Конституция которой объявляет католицизм государственной религией, был введен запрет на экстракорпоральное оплодотворение. Этот запрет был оспорен в Межамериканском суде по правам человека. В решении по делу «Murillo and Others v. Costa Rica» от 28.11.2012 Суд сформулировал принципиально важную правовую позицию: эмбрион *in vitro* не является человеком по смыслу положений Американской конвенции, а становится таковым лишь с момента имплантации эмбриона в полость матки¹⁴. Суд обосновал решение ссылками на то, что сигналом, возвещающим о зарождении новой жизни, служит особый гормон, вырабатываемый организмом матери в результате успешной имплантации, который и запускает механизм создания условий для жизнедеятельности эмбриона, после чего он становится зародышем в буквальном смысле слова.

Особый подход к проблеме принят в США, где действует запрет на федеральное финансирование исследований и медицинских практик, в ходе которых человеческие эмбрионы уничтожаются или подвергаются риску, превышающему уровень, который разрешен для исследова-

¹² Суд пришел к выводу, что указанные положения Закона ставят под угрозу здоровье женщины, вынуждая ее несколько раз проходить стимуляцию яичников, а также подвергаться опасности многоплодной беременности ввиду запрета на выборочные аборт. П. 29-30 мотивировочной части Постановления ЕСПЧ по делу «Parrillo v Italy» // Application no. 464470/11, Parrillo v Italy, ECHR Judgment of 27.08.2015.

¹³ Аналогичная норма есть, в частности, и в рекомендациях Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 874(1979) “О Европейской хартии прав ребенка”. Available at: URL: <http://www.Consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base...n...> (дата обращения: 10.11.2020)

¹⁴ Case of Artavia Murillo et al v. Costa Rica. The November 2012 decision by the Inter-American Court of Human Rights. Available at: URL: https://www.womenslinkworldwide.org/files/gjo_analysis (дата обращения: 11.10. 2020)

ний плода в утробе матери [Посулихина Н.С., 2021: 170]. Правда, это не исключает частного финансирования таких исследований и практик при условии одобрения Управления контроля над качеством пищевых продуктов и лекарственных препаратов.

Между тем за рамками христианской цивилизации не наблюдается столь трепетного отношения к статусу человеческого эмбриона, находящегося на начальных этапах развития. Для мусульман человеческая жизнь начинается на девятой неделе после зачатия, когда ангел вдыхает душу в зародыш, а для буддизма, в котором отсутствует понятие души, не принципиален и сам момент зарождения человека. В этом контексте интересно отметить слова А. Эйнштейна о том, что многим выдающимся ученым присуще «космическое религиозное чувство», которое он считал сильнейшим стимулом к неограниченному научному познанию, и элементы которого, по его мнению, имеются в буддизме и в мировоззрении христианских еретиков [Einstein A., 1956: 24].

Соответственно в КНР нет запрета на исследования эмбрионов человека и эмбриональных клеток, в том числе на исследования, связанные с их генетическими модификациями. Регуляторная политика в этой области, осуществляемая органами исполнительной власти, основана на следующих нормативных актах: «Руководящие этические принципы исследований стволовых клеток человеческого эмбриона» (2003); «Технические нормы искусственного оплодотворения» (2003); «Руководящие принципы исследований генной терапии человека и контроля качества подготовки к исследованиям» (2003); «Административные меры клинического применения медицинских технологий» (2009). В КНР главные органы, осуществляющие нормативное регулирование генетических исследований и технологий — Национальная комиссия здравоохранения, Национальное управление медицинских продуктов и Министерство науки и технологий. Очевидно, регулирование на уровне исполнительной, а не законодательной власти позволяет гибко реагировать на динамичную ситуацию в сфере развития генетических исследований и технологий.

В Японии правовое регулирование манипуляций с человеческим эмбрионом *in vitro* также является менее строгим, чем в европейских странах. При этом регулирование данной сферы выведено из-под компетенции законодателей (как и в Китае) и «полностью сосредоточено в руках сообщества врачей соответствующих специальностей» [Власов Г.Д., 2022: 23, 24, 28]. На сегодняшний день главным нормативным актом здесь является «Основная политика относительно обращения с эмбрионами человека» (2004), принятая под эгидой Совета научной и технологической политики администрации Кабинета. По этому документу, а также Акту о регулировании технологий клонирования человека (2000), можно «полу-

чать эмбриональные стволовые клетки человека из избыточных эмбрионов при ЭКО и использовать их в исследовательских целях, проводить базовые исследования с использованием клеток зародышевых линий, генерировать клетки зародышевых линий из стволовых клеток, проводить терапевтическое клонирование, создавать гибридные эмбрионы человека и животных в целях выращивания человеческих органов в животных, создавать и использовать эмбрионы человека в целях исследований, направленных на улучшение репродуктивных технологий, при условии, что возраст эмбрионов не превышает 14 дней» [Власов Г.Д., 2022: 26].

Регуляторная политика Южной Кореи не столь либеральна, тем не менее оставшиеся после ЭКО эмбрионы после пятилетнего хранения можно использовать в научных целях. Основным нормативным актом в данной сфере является Закон о биоэтике и безопасности (2005), по которому запрещено производить эмбрионы в каких-либо целях, кроме рождения детей, запрещены также оплодотворение в целях получения потомства определенного пола и генная терапия эмбрионов. Закон о биоэтике и безопасности предусматривает уголовную ответственность за незаконное создание и использование эмбрионов. В 2015 г. в этот закон внесены поправки, расширяющие возможность генетических исследований, направленных на лечение бесплодия или тяжелых заболеваний, перечень которых дан в указе президента страны. Показательно, что «в законе отсутствует разделение на соматические и зародышевые клетки, что может трактоваться таким образом, что исследование зародышевых линий допустимо, если оно отвечает вышеупомянутым критериям цели исследования» [Власов Г.Д., 2022: 26, 30].

Таким образом, эти страны пользуются своего рода административной рентой, получаемой от упрощенной регуляторики, а в некоторых важных моментах — и от ее отсутствия. Это дает им преимущества в современной глобальной (научной, экономической и политической) конкуренции в сфере геномики человека, которая, несомненно, носит межцивилизационный характер. В настоящее время Китай, Япония и Южная Корея входят в группу лидеров разработки и применения генетических технологий. При этом Япония делит с США первое место в мире по количеству обращений к процедуре ЭКО, а КНР, как пишет журнал «Сайенс», находится на втором месте по финансированию использования технологии направленного редактирования генома и проводит больше клинических испытаний на базе данной технологии, чем любая другая страна¹⁵. По мнению специалистов, в ближайшем будущем КНР

¹⁵ Available at: URL: <http://www.sciencemag.org/news/2019/08...crispr...leader-genome...> 2 Aug. 2019 (дата обращения: 12.11.2021)

станет лидером отбора эмбрионов с улучшенным интеллектуальным потенциалом в рамках преимплантационной генетической диагностики. В свете появившейся в 2018 г. информации о создании технологии, позволяющей оценивать факторы риска когнитивных нарушений и выявлять эмбрионы, предрасположенные к низкому (ниже среднего уровня на 25 пунктов) уровню IQ, интересны сведения, что при увеличении среднего IQ страны на один пункт ВВП на душу населения возрастает на 229 дол.¹⁶

2. Проблема статуса человеческого эмбриона в российской правовой системе

В российском законодательстве человеческий эмбрион определяется как зародыш человека на стадии развития до восьми недель¹⁷. При этом позиция законодателя по вопросу о правовом статусе эмбриона определяется положением ч. 2 ст. 17 российской Конституции, согласно которой основные права человека (к ним прежде всего относится право на жизнь и на охрану здоровья), принадлежат каждому от рождения. Следовательно, субъектом прав является только человек, причем с момента его рождения. Многие авторы полагают, что такой подход затрудняет охрану эмбриона или плода (т.е. эмбриона, возраст которого с момента зачатия превышает восемь недель), и предлагают искать решение этой несомненно важной и актуальной проблемы на пути придания эмбриону *in vivo* статуса субъекта права. С этой целью иногда ссылаются на римский правовой институт насцитуруса (права нерожденного) [Журавлева Е.М., 2012: 24–30]. Сторонники такого подхода апеллируют к гражданскому, трудовому, семейному и уголовному законодательству, в которых есть намеки на права эмбриона и плода. Наиболее выразительным примером служит ст. 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации, по которой наследовать имущество могут лица, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства, а также п. 2 ст. 7 Федерального закона № 125-ФЗ от 24.07.1998 «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», где указано, что дети, зачатые при жизни потерпевшего, имеют право на обеспечение по страхованию¹⁸. Однако в этих

¹⁶ Available at: URL: <http://www.nextbigfuture.com> 2019/06...editing-of...and...within (дата обращения: 12.11.2021)

¹⁷ Ст. 2 ФЗ 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸ СПС КонсультантПлюс.

нормах речь идет вовсе не о праве зародыша или плода, а о праве уже родившегося человека, причем о праве, возникающем при условии, что ребенок родился живым.

При всей несомненной значимости защиты эмбриона *in vivo* как носителя жизни, развивающегося в теле женщины, придание эмбриону статуса субъекта права не только перечеркнуло бы действующее правовое регулирование искусственного прерывания беременности и вспомогательных репродуктивных технологий, но и вошло бы в прямое противоречие с ч. 2 ст. 17 отечественной Конституции. Между тем для решения этой проблемы нет необходимости считать эмбрион личностью и придавать ему статус субъекта права. Чтобы внести в законодательство востребованные обществом правовые ограничения на манипуляции с эмбрионом *in vitro* и гарантии защиты нормального развития эмбриона *in vivo*, вполне достаточно признать за ними особый онтологический статус, который мог бы рассматриваться в качестве *нравственной ценности*, относящей к *ценностям общего блага*, защита которых гарантирована в ч. 3 ст. 55 Конституции. Согласно содержащейся здесь норме ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно «в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, *нравственности* (курсив всюду мой. — В.Л.), здоровья, прав и законных интересов других лиц...». Придерживаясь такой юридической конструкции, можно обеспечить сколь угодно высокий уровень защиты эмбриона, требуемый принятыми в обществе понятиями о нравственности¹⁹.

Применительно к эмбриону *in vitro* важно добавить, что на данный объект (в силу его отделенности от тела женщины) могут быть распространены права собственности. Разумеется, ввиду особенностей онтологического статуса эмбриона как носителя потенциальной человеческой жизни для этого объекта необходимы исключения из общего правового режима вещей, но это должны быть ограничения, налагаемые на правовой режим, а не изъятия из-под его действия. Попытки рассматривать эмбрион *in vitro* как феномен *sui generis*, не вписывающийся в дихотомию «субъект-объект» правового регулирования, не имеют ни теоретической основы, ни практической пользы. Юриспруденция исходит из того, что все феномены действительности «являются либо тем, по поводу чего возникают правоотношения, т.е. объектами права, либо тем, кто вступает в отношения по поводу этих объектов, т.е. субъектами права»

¹⁹ Можно, например, требовать, чтобы медицинские работники сообщали в государственные органы о ребенке, который родился с остаточными следами алкоголя или наркотиков в крови, как это делается в некоторых штатах США.

[Дружинина Ю.Ф., 2020: 131]. Если мы не можем прояснить правовую природу явления в рамках этой дихотомии, то каким образом можно определить его место в системе правовых отношений?

В связи с этим обоснованы выводы судьи Верховного Суда Российской Федерации В.В. Момотова, гласящие, что по смыслу действующего российского законодательства любые клетки и ткани после отделения от человеческого тела (в том числе и эмбрионы *in vitro*) «должны признаваться вещами и, за исключением специально установленных правил, подчиняться общему правовому режиму вещей». Именно этот концептуальный ориентир следует положить в основу преодоления пробелов и противоречий в действующем правовом режиме медицинских манипуляций с эмбрионом человека. Подобное решение проблемы в целом соответствует, по мнению В.В. Момотова, судебной практике, складывающейся в странах общего права [Момотов В.В., 2018: 43–46]. Такой на первый взгляд циничный подход к этой весьма щекотливой проблеме, в действительности гораздо лучше защищает права и достоинство человека, чем тяготеющее к религиозному мировоззрению морализаторство, оставляющее проблему в поле неопределенности²⁰.

3. Влияние христианского мировоззрения на развитие геномики человека

Анализ различий в трактовке статуса эмбриона человека (правового, морального, онтологического) показывает, что и в наши дни религия продолжает существенно влиять на профессиональную этику научного сообщ-

²⁰ В качестве подтверждения — выразительный пример из российской судебной практики. Женщина, прошедшая одну неудачную процедуру ЭКО, после которой у нее скончался муж, намеревалась продолжить лечение бесплодия, реализуя свое право на несколько процедур ЭКО по полису обязательного медицинского страхования. Однако ей было отказано в этом сначала клиникой, а потом судом, потому что супружеская пара явно ошиблась при заключении договора о криоконсервации эмбрионов, имеющей для процедуры ЭКО сугубо вспомогательный характер (скорее всего, из-за дефектов самого договора, предложенного клиникой). В итоге она не смогла даже получить собственные эмбрионы или добиться их сохранения, чтобы продолжить борьбу за свои репродуктивные права и дойти до Верховного Суда, где у нее были бы хорошие шансы выиграть дело. Истица пыталась, в частности, доказать, что может наследовать эти эмбрионы после смерти мужа, но ей было указано судом, что эмбрион как носитель человеческого достоинства не может быть предметом наследования и поэтому по договору о криоконсервации подлежит уничтожению. Таким образом, получается, что за эмбрионом признается человеческое достоинство, в результате чего он подлежит уничтожению, а у женщины нет права дать жизнь этому эмбриону и иметь ребенка от умершего мужа, который при жизни хотел от нее этого ребенка. Решение Советского районного суда Ростова-на-Дону по делу № 2-2540/2018 от 30.07.2018. Available at: URL: <https://www.sudebnyeresheniya.rf/35603427> Дело № 2-2540/2018 (дата обращения: 15.07.2020)

щества, работающего в рамках социокультурной парадигмы, которая сложилась на основе христианского мировоззрения. До недавнего времени данная особенность христианской культуры практически не сказывалась на конкуренции стран и регионов мира в сфере развития науки. Однако ситуация изменилась в условиях формирования технаук и повышения роли технологий как важнейшего фактора научного прогресса. Ведь технологии, как известно, являются такой формой знания и умения, тиражирование которой обходится гораздо дешевле ее создания.

Уместно вспомнить, что наука изначально получила наибольшее развитие в странах христианской культурной традиции во многом потому, что христианству свойственно понятие о человеке как подобии Бога и о человеческом разуме как подобии разума божественного. Догмат о богоподобии человека стал мировоззренческой основой легитимации идеи равенства между личностями, создавшей предпосылки для развития права как гаранта творческой свободы человека, необходимой для научно-технологического прогресса. Другим важным следствием христианского антропоморфизма стало преодоление противопоставления науки и религии как способов познания истины, что позволило «согласовывать принципы христианского миропонимания с достижениями развивающейся науки». В наибольшей степени эти идеи получили развитие в католической трактовке догмата о богоподобии человека с присущим ей признанием рациональности Творца, «даровавшего своему Творению внутренне согласованные физические законы» [Вудс Т., 2010: 87].

Начиная с Нового времени социокультурное развитие Западной Европы шло под знаком примирения «моральных установок, облаченных в язык христианской теологии, с новой научной картиной мира, возникшей в XVII в.» [Рорти Р., 1994: 33]. Католическая идея познаваемости Бога через человека, а также возможность рассматривать человеческую деятельность как «своеобразное подобие в малых масштабах актам творения» [Степин В.С., 2011: 256, 258] нашла затем развитие в философии протестантизма. Что касается православия, то оно исходит из того, что Откровение говорит прежде всего и главным образом о Боге, а только затем о человеке как о Его подобии. Такая трактовка догмата о богоподобии человека уводит православную культуру от техногенного вектора развития, но при этом лишь укрепляет понятие православных о недопустимости экспериментов с природой человека, которая получает свое одухотворение с момента зачатия.

При этом христианская идея богоподобия человека, давшая импульс научно-технологическому прогрессу, изначально содержала глубинные мировоззренческие предпосылки, способные заблокировать возможность наиболее опасных вторжений в природу человека, «созданного по

образу Божию». Поэтому страны, в культурной матрице которых не были заложены присущие христианской культуре стимулы к научно-технологическому развитию, сопряженные с религиозно-мировоззренческими ограничениями опасного вторжения в природу человека, получают сейчас дополнительные конкурентные преимущества. Несут ли в себе подобные социокультурные различия опасность отставания приверженцев христианских традиций от новых технологических лидеров — это вопрос, который вряд ли может стать предметом публичной дискуссии в силу неполиткорректности, что однако не делает его менее актуальным.

Одна из наиболее дискутируемых ныне проблем, связанных с человеческим эмбрионом — это возможность редактирования генома эмбриона, которая может быть реализована: в процессе исследований; в клинической практике этиотропной терапии [Гребенщикова Е.Г. и др., 2021: 87], направленной на предотвращения причин генетических заболеваний у еще не рожденного человека; в целях совершенствования (или, как нередко говорят, дизайна) физических и когнитивных качеств будущего ребенка.

Что касается проблемы так называемых дизайнерских детей, то ныне в медико-биологическом и биоэтическом сообществах есть разногласия о технической возможности такого совершенствования и консенсус относительно недопустимости подобных экспериментов. Правда, в рамках более широкого философского дискурса эти вопросы довольно активно обсуждаются, а приведенный выше диапазон подходов варьируется от мировоззрения трансгуманистов, приветствующих идею ускоренной и целенаправленной генетической трансформации человеческой природы, до религиозных философов, предупреждающих об экзистенциальных угрозах технологической дегуманизации человека. Однако рассматриваемая при этом проблематика выходит далеко за рамки вопросов, связанных с пределами допустимости манипуляций с эмбрионом человека, которые в процессе этого дискурса, как правило, отходят на задний план.

Относительно перспектив клинической практики редактирования наследуемого генома сегодня нет консенсуса, который ранее позволил закрепить в Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (открытой для подписания под эгидой Совета Европы в 1997 г.) положение: вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, возможно лишь в медицинских целях и при условии, что оно не повлечет за собой изменения генома наследников данного человека (ст. 13). Уже тогда далеко не все технологически развитые европейские страны приняли такую позицию: например, Великобритания не присоединилась к данной Конвенции, сочтя это требование слишком жестким. В настоящее время наме-

чается отход медико-биологического сообщества (являющегося сейчас главным субъектом международного эτικο-правового регулирования данной сферы отношений) от жестко запретительной регуляторной политики в сфере редактирования наследуемого генома человека в медицинских целях. При этом в центре внимания участников дискуссий находятся проблемы, связанные с соотношением рисков и терапевтических выгод такого редактирования, а также опасность перерастания терапии в апгрейд.

Наибольшее значение рассматриваемый нами вопрос о статусе эмбриона человека приобретает в сфере регулирования отношений, связанных с редактированием эмбрионов *in vitro*. Здесь данная проблема имеет ключевое значение, поскольку от ее решения напрямую зависят пределы, в границах которых возможны подобные манипуляции с человеческими эмбрионами. В настоящее время исследования в сфере редактирования зародышевой линии человека (включающей в себя родительские половые клетки и созданные путем их слияния эмбрионы) являются одним из наиболее активно развивающихся во всем мире направлений научных исследований. Мощным импульсом к их развитию стало появление в 2012 г. относительно простой и высоко эффективной технологии направленного редактирования генома, которая, по словам одной из ее создательниц — Дж. Даудны, «уже распространилась по научному сообществу, как лесной пожар» [Даудна Дж., Стенберг С., 2019: 282]. В последние годы во многом под влиянием перспектив, открывшихся благодаря данной технологии, происходят постепенные, но при этом серьезные изменения в регуляторной политике, определяющей границы генетических исследований эмбрионального развития человека. Главный вектор этих изменений задан ослаблением прежних ограничений, истоки которых восходят к догматам христианского миропонимания.

Заключение

Предложенная в данной статье оптика рассмотрения проблемы статуса человеческого эмбриона позволяет высветить некоторые важные факторы, определяющие подходы к ее решению. Если под этим углом зрения обратиться к истории вопроса, то следует, по-видимому, начать с 1982 г., когда в Великобритании была образована Комиссия исследования человеческого оплодотворения и эмбриологии, которой предстояло определить границы допустимости действий с человеческими эмбрионами *in vitro*. Члены Комиссии под руководством британского философа М. Уорнок пришли к выводу о возможности исследований на эмбрионах не старше двухнедельного срока со дня оплодотворения яйцеклетки.

М. Уорнок удалось согласовать этот срок с высшим англиканским духовенством, убедив его, что только через 14 дней с момента зачатия становится известно, родится один ребенок или будет двойня и т.д. Таким образом, «до этого момента не будет ясно, должна ли быть одна душа или две. Следовательно, когда бы ни происходило одушевление, оно не могло произойти раньше чем через 14 дней» [Watts G., 2019: 25]. «Правило 14 дней» было воспринято мировым научным сообществом и вошло в целый ряд международных норм «мягкого права» и в законодательство многих стран.

Следующий шаг в регулировании данной сферы также был сделан в Великобритании. До 2016 г. там действовал запрет на любое редактирование зародышевой линии человека²¹, однако после публикации в 2015 г. статьи китайских генетиков об экспериментах с коррекцией мутации, проводившихся на нежизнеспособных эмбрионах, ученые из лондонского Института Фрэнсиса Крика подали в регулирующие органы Великобритании заявку на применение технологии CRISPR–Cas9 для исследования на здоровых человеческих эмбрионах и добились разрешения с оговоркой, что генно-модифицированные эмбрионы не будут использоваться для рождения человека. Это стало первым опытом законодательного регулирования научных экспериментов с эмбрионами человека.

Очередной импульс к снижению уровня ограничений вновь последовал из Китая, где в 2018 г. родились девочки-близнецы, чей геном на стадии эмбриона был отредактирован с целью защиты от ВИЧ. В ходе эксперимента под руководством молодого ученого Хэ Цзянькуя применялось направленное выключение гена CCR5, который играет решающую роль в заражении клеток вирусом иммунодефицита. К эксперименту привлекли несколько супружеских пар, в которых мужчины являются носителями ВИЧ-инфекции. Сам ученый, обнародовавший эту информацию на Международном саммите по редактированию человеческого генома в Гонконге в ноябре 2018 г., явно не ожидал осуждения его действий зарубежными и отечественными коллегами, а также официальными лицами КНР. Причем, помимо неоправданности риска и недостаточной чистоты эксперимента ситуация осложнялась еще и тем, что, как вскоре стало ясно, избранный мишенью ген CCR5 напрямую связан с когнитивными способностями человека: исследования пациентов, перенесших инсульты и черепно-мозговые травмы показали, что активация гена CCR5 может приводить к усилению когнитивных способностей и восстановление двигательной активности после инсульта [Joy M. et al.,

²¹ Human Fertilisation and Embryology Act. Available at: URL: <https://www.fertilisation.gov.uk/legislation/human-fertilisation-and-embryology-act-1990> (дата обращения: 03.10.2020)

2019: 1143–1157]. Поэтому китайский генетик был обвинен научным сообществом также и в том, что он спланировал и провел эксперимент, направленный на поиск механизмов усиления умственных способностей человека путем редактирования генома эмбриона.

На закрытом судебном процессе Хэ Цзянькуй был приговорен к трем годам тюремного заключения и к крупному штрафу. Ему и двум его коллегам вменили в вину, что они, не имея квалификации врачей, нарушили правила организации и проведения научных исследований и вышли за рамки этики как в науке, так и в медицине. Судя по всему, их обвиняли в нарушении «Руководящих этических принципов биомедицинских исследований с участием людей», принятых в 2016 г. Комиссией здравоохранения и планирования семьи. По этим правилам исследователи должны придерживаться таких базовых принципов, как информированное согласие испытуемых, баланс выгод и рисков, свобода участия в исследованиях, защита неприкосновенности частной жизни, покрытие необходимых расходов и компенсация вреда. Хотя «Руководящие этические принципы» по регулятивной природе относятся к этическим рекомендациям, а в системе законодательства КНР имеют статус административных правил, они содержат нормы не только об административной, но и об уголовной ответственности. По-видимому, позиция властей КНР была предопределена негативной реакцией на эксперимент международного научного сообщества, хотя, как стало известно впоследствии, эксперимент не был тайным, о нем был осведомлен довольно широкий круг лиц.

Осуществленный в КНР эксперимент наглядно показал, что сдерживать применение технологии редактирования эмбриона человека путем запретов, содержащихся в нормах «мягкого права», крайне проблематично, а скорее всего практически невозможно. Не удастся пока и ввести полноценное международно-правовое регулирование, поскольку на глобальном уровне консенсус не достигнут, а на ином уровне такое регулирование лишено смысла. Но главная проблема, по-видимому, в том, что запреты не остановят применения уже созданных технологий, они лишь будут выталкивать эти процессы в «серую зону» и в криминальные анклавы. Поэтому созданный в 2019 г. Консультативный совет ВОЗ по контролю и надзору над редактированием генома человека счел возможным выступить лишь с предложением о формировании глобального реестра всех экспериментов с редактированием генома и о разработке стандартов их проведения²², отказавшись от идеи моратория на

²² World Health Organization. WHO Expert Advisory Committee on Developing Global Standards for Governance and Oversight of Human Genome Editing. 2021. Available at: URL: <http://www.who.int/publications/i/item/9789240030381> (дата обращения: 11.03.2022)

редактирование наследуемого генома человека, предложенной группой известных генетиков.

Следующим очень важным шагом к ослаблению запретов стал недавний отказ Международного общества исследователей стволовых клеток от установленного им ранее правила 14 дней, по которому человеческие эмбрионы можно культивировать и использовать только в лабораторных условиях и лишь в течение двух недель после оплодотворения. Новые Руководящие принципы таких исследований от 26.05.2021²³ отменили данный запрет. Вместо этого национальным академиям наук, профессиональным сообществам, спонсорам и регулирующим органам рекомендуется вовлекать общественность в обсуждение научных, социальных и этических вопросов, связанных с 14-дневным лимитом, и решать, следует ли продлевать его в зависимости от цели исследования.

Данное решение по сути дела означает, что медико-биологическое сообщество снимает с себя главную ответственность за выработку регуляторной политики в сфере исследований человеческого эмбриона и, осознавая масштаб проблемы, намерено разделить ответственность с другими отраслями науки и с широкой общественностью. Отсюда следует, что обсуждение такого рода проблем должно выйти на новый уровень как в сфере гуманитарного знания, так и в обществе в целом.

Список источников

1. Альбицкий В.Ю. и др. Правовые аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий в лечении бесплодия // Вопросы современной педиатрии. 2011. № 10. С. 12–14.
2. Власов Г.Д. Правовое регулирование исследований в области генной инженерии в странах Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). Обзор. Информационно-аналитический журнал. Серия «Государство и право». 2022. № 4. С. 20–31.
3. Вудс Т. Как католическая церковь создала западную цивилизацию. М.: ИРИСЭН, 2010. 280 с.
4. Гребенщикова Е.Г. и др. Редактирование генома эмбрионов человека // Вестник РАМН. 2021. Т. 76. № 1. С. 86–92.
5. Даудна Дж., Стенберг С. Трещина в мироздании. М.: АСТ, 2019. 384 с.
6. Дружинина Ю.Ф. Правовой режим эмбриона *in vitro* // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 129–140.
7. Журавлева Е.М. Насчитурус с точки зрения правового статуса эмбриона (плода) / Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов Международной конференции. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. С. 24–30.

²³ Stem Cell Research and Clinical Translation. Available at: URL: http://www.researchgate.net/.../ISSCR...Stem_Cell...and_Clinical (дата обращения: 14.02.2023)

8. Кирьянов Д. Моральный статус человеческого эмбриона в межхристианском контексте // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 4. С. 169–194.
9. Момотов В.В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (вспомогательные репродуктивные технологии) // Российское правосудие. 2018. № 12. С. 42–52.
10. Посулихина Н.С. Правовые режимы развития генетических технологий в медицине: опыт зарубежных стран // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 1. С. 167–180.
11. Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 29–34.
12. Степин В.М. Цивилизация и культура. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2011. 407 с.
13. Чоговадзе А.Г. Особенности законодательного регулирования преимплантационной диагностики в различных странах // Гены и клетки. 2012. Т. VII. № 2. С. 112–118.
14. Darnovsky M. et al. Heritable Human Genome Editing is Not Inevitable. Trends in Biotechnology, 2020, vol. 38, no. 4, pp. 3–5.
15. Einstein A. Science and Religion / Out of my later years. Englewood Cliffs: Citadel Press, 1956, pp. 21–30.
16. Joy M. et al. CCR5 is a Therapeutic Target for Recovery after Stroke and Traumatic Brain Injury. Cell, 2019, no. 5, pp. 1143–1157.
17. Kim H., Joly J. Regulation of human germline genome modification in the Republic of Korea. In: Human germline genome modification and the right to science. A comparative study of national laws and policies. A. Boggio et al. (eds.). Cambridge, 2020, pp. 500–515.
18. Watts G. Helen Mary Warnock. Obituary. The Lancet, 2019, vol. 393, May 25, pp. 2118–2119.

References

1. Al'bitskiy V. Yu. et al. (2011) Legal aspects of the use of assisted reproductive technologies in the treatment of infertility. *Voprosy sovremennoy pediatrii*=Issues of Modern Pediatrics, no.10, pp. 12–14 (in Russ.)
2. Chogovadze A.G. (2012) Peculiarities of legislative regulation of preimplantation diagnostics in different countries. *Geny i kletki*=Gens and Cells, no. 2, pp.112–118 (in Russ.)
3. Darnovsky M. et al. (2020) Heritable human genome editing is not inevitable. *Trends in Biotechnology*, vol.38, no. 4, pp. 3–5.
4. Daudna D., Stenberg S. (2019). *A crack in the universe*. Moscow: AST, 384 p. (in Russ.)
5. Druzhinina Yu. F. (2017) Legal regime of the embryo *in vitro*. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 12, pp.129–140 (in Russ.)
6. Einstein A. (1956) Science and Religion. In: Out of my later years. Englewood Cliffs (N.J.): Citadel Press, pp. 21–30.
7. Grebenshchikova Ye. G. (2021) Editing the genome of human embryos. *Vestnik RAMN*=Bulletin of Russian Academy of Medicine, no. 1, pp. 86–92 (in Russ.)

8. Joy M. et al. (2019) CCR5 is a therapeutic target for recovery after stroke and traumatic brain injury. *Cell*, no. 5, pp. 1143–1157.
9. Kim H., Joly J. (2020) Regulation of human germline genome modification in Republic of Korea. In: Human germline genome modification and the right to science. A comparative study of national laws and policies. A. Boggio et al. (eds.). Cambridge: University Press, pp. 500–515.
10. Kir'yanov D. (2020) The moral status of the human embryo in an inter-Christian context. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*=State, Religion and Church in Russia and abroad, vol. 38, no. 4, pp. 169–194 (in Russ.)
11. Momotov V.V. (2018) Bioethics in the context of legislation and law enforcement (assisted reproductive technologies). *Rossiyskoye pravosudiye*=Russian Justice, no. 2, pp. 42–52 (in Russ.)
12. Rorti R. (1994) Philosophy and the future. *Voprosy filosofii*=Issues of Philosophy, no. 6, pp. 29–34 (in Russ.)
13. Posulikhina N.S. (2021) Legal regimes for the development of genetic technologies in medicine: experience of foreign countries. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*=Issues of Russian Law, vol. 16, no. 1, pp. 167–180 (in Russ.)
14. Stepin V.M. (2011) *Civilization and culture*. Saint Petersburg: University Press, 407 p. (in Russ.)
15. Vlasov G.D. (2022) Regulation of research in the field of genetic engineering in East Asia (China, Japan, Korea). *Informatsionno-analiticheskiy zhurnal. Seriya Gosudarstvo i pravo*=Information and Analytical Journal Series State and Law, no. 4, pp. 20–31 (in Russ.)
16. Watts G. (2019) Helen Mary Warnock. Obituary. *The Lancet*, vol. 393, May 25, p. 2118.
17. Woods T. (2010) *How the Catholic Church Created Western Civilization*. Moscow: IRISEN, 280 p. (in Russ.)
18. Zhuravleva Ye.M. (2012) Nasciturus in terms of the legal status of the embryo (fetus). In: Law and order in modern society. Papers of a scholar conference. Novosibirsk: University Press, pp. 24–30 (in Russ.)

Информация об авторе:

В.В. Лапаева — доктор юридических наук, главный научный сотрудник.

Information about the author:

V.V. Lapaeva — Doctor of Sciences (Law), Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 04.04. 2023.

The article was submitted to editorial office 14.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 04.04.2023.